

Татьяна Попова

Собственно диалектные словообразовательные модели в субстантивном словопроизводстве

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 5, 143-156

2009

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

*Татьяна Попова**

СОБСТВЕННО ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В СУБСТАНТИВНОМ СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕ

Именное диалектное словопроизводство, несмотря на то, что является составной частью общерусской деривационной системы, имеет важные специфические черты, позволяющие говорить о его своеобразии и признавать эти явления системными, следовательно, закономерными. Обзор лишь суффиксального (как самого продуктивного в субстантивном словообразовании) способа словопроизводства дает веские основания говорить о незамкнутости деривационных контактов, высоком потенциале общерусских суффиксальных словообразовательных типов (в том числе и тех, которые в системе литературного языка продуктивность утратили); свободе словообразовательных связей, высокой степени образности и экспрессивности производных имен. Широта и разнообразие диалектного фактического материала заставляет вновь и вновь задаваться вопросом, окказионально это словотворчество или является фактом диалектного языка как системы? Г. Я. Сими́на, исследуя русские говоры Пинежья, пришла к выводам, что «различие между этими явлениями состоит лишь во времени, в последовательности проявления их. Язык творят люди, носители говора. В устах и умах людей зарождается новое слово, необходимое для того, чтобы выразить новое, сложившееся в языковом сознании, понимание. Первоначально это новое слово окказионально, употребительно лишь в единичных случаях, но если оно не противоречит нормам диалектной лексико-семантической системы, то это новообразование укладывается в ней и при благоприятных условиях может закрепиться (и закрепляется). Окказиональное становится фактом языка» (Сими́на 1976: 25). Сложно не увидеть в описанном механизме признаков системности и общерусской закономерности, в результате действия которой все окказиональное, узуальное рано или поздно либо уходит на периферию языка (вплоть до полного исчезновения), либо становится

* Казанский государственный университет.

общеупотребительным, теряя новизну. «Вхождение нового заимствованного слова, включение его в произносительные и грамматические нормы диалекта – процесс длительный и непрерывный, как многовеково и непрерывно влияние на говоры со стороны литературной речи» (там же). Взаимовлияние и взаимодействие говоров и литературного языка на деривационном уровне, как и на остальных уровнях языка, происходит по укрепившимся в нем законам, но с определенной специфической экспликацией системных явлений.

Как указывали многие исследователи диалектной лексики и грамматики, своеобразие диалектной морфологической системы состоит в том, что проявляются эти законы не в одно время и не в равной степени активности: в некоторых случаях диалектные языковые процессы развиваются медленнее, отстают от литературного языка, образуя так называемые архаизмы; в других случаях – опережают, и языковые тенденции проявляются в говорах более закономерно и отчетливо. Об этом правильно сказал В. В. Иванов: «Все местные диалекты проходят принципиально один и тот же путь развития, однако спецификой этого процесса является то, что отдельные диалекты проходят этот один и тот же путь неравномерно. Поэтому в силу исторических условий [...] различные местные разновидности языка могут сохранять на более долгий период некоторые из тех явлений, которые ранее уже были утрачены иными диалектами» (Иванов 1964: 14).

При рассмотрении как общесистемных фактов, так и собственно деривационных особенностей необходимо учитывать сущность самого литературного языка и говоров и формы их бытования. Литературный язык – строго нормированный, поэтому в нем тенденции развития выявляются не столь прозрачно, а подчас и искажаются или затормаживаются под влиянием установившихся норм или книжных традиций. Нормированность и обработанность, являющаяся основной характеристикой литературного языка, обусловлена, в частности, письменной формой его существования. В живых народных говорах, имеющих устную форму бытования (следовательно, и собственную «норму»), не скованных традицией, развитие грамматической системы, проявление основных тенденций протекает более ясно, последовательно и в ряде случаев более прогрессивно, чем в литературном языке. Это особенно присуще особенно самобытным говорам, которые в прошлом были географически и исторически изолированными (как, например, говоры Пинежья – см. Сими́на 1976).

Синхронно-диахронный подход к исследованию диалектного материала позволяет констатировать, что «лишенный воздействия литературного языка в прошлом, диалект складывался самобытно, хотя в нем совершались те же процессы, проявляются те же тенденции, что и в литературном языке и в других русских говорах – тенденции к обобщению, унификации грамматической системы языка, продвижение к аналитизму.

На материалах говоров, системы грамматически не нормированной, можно яснее увидеть ход и направление этого развития» (Сими́на 1970: 19).

Преследуя цель рассмотрения собственно диалектных системных явлений, коими являются на деривационном уровне словообразовательные модели, мы обратились к анализу фактического материала дифференциальных диалектных словарей (Моисеенко 2002, СРНГ) и рукописной Картотеки СРНГ (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Именное словопроизводство, отличающееся исключительным разнообразием, позволяет выдвинуть целый ряд перспективных вопросов и тенденций (нейтрализация исконно стилистически маркированных словообразовательных типов, активизация «славяно-книжных» формантов, семантическая деривация производных имен с общерусскими аффиксами, словообразовательная парадигматика и др.).

В современной лингвистической литературе часто поднимается вопрос о постепенном отмирании диалектов, их ассимиляции городскому просторечию. Однако нельзя упрощенно решать вопрос об исчезновении говоров, как это делалось в 50-е гг. «Широкое «развитие» русских диалектов на протяжении XIX в. вплоть до 30-х годов XX в. и стремительное «исчезновение» их в наше время часто объясняют социальными причинами: культурная революция, развитие массовых средств коммуникации и информации и т.д.» (Колесов 1994: 39). Главную же причину «исчезновения современных диалектов» В. В. Колесов видит в перераспределении функциональных уровней структуры языка, а именно в широком распространении просторечия в функции разговорной речи. В связи с этим «диалект – прежде самостоятельная в функциональном отношении сфера, противопоставленная общерусскому языку, – стал выполнять более суженные функции «сельского просторечия» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Диалект не исчез – он изменил свою функцию, а в результате этого претерпел все те экстралингвистического характера изменения, которые выпали на его долю в последние десятилетия» (там же: 40). Несмотря на изменения социолингвистического и функционального плана, так называемый «диалектный язык» продолжает существовать и видоизменяться в соответствии с общеязыковыми законами, ввиду чего можно утверждать, что «говоры – не отмирающая развалина, а функционирующая система. При этом нельзя забывать, что носители говоров, перенявшие (полностью или частично) четко нормированный фонетико-морфологический строй литературного языка, сохраняют ряд особенностей синтаксического строя, словообразовательной системы и часть словаря говоров. Этим определяется влияние своеобразного «диалектного субстрата» на литературный язык в связи с расширением и демократизацией состава носителей литературного языка» (Сахарный 1963: 51).

Учитывая названные проблемы, мы можем наметить задачи изучения диалектного именного словообразования, в которые входит, в частности, выявление и описание специфически диалектных формантов и моделей, не известных литературному языку. Определяются они, прежде всего, спецификой словообразовательной системы говоров как устной разновидности русского языка.

В диалектном словопроизводстве много самобытного в плане выражения основных словообразовательных значений *nomina agentis*, *nomina abstracta*, *nomina actionis*. Примечательны в плане их реализации производные, образованные при помощи не востребованных в литературном языке суффиксов, ярко характеризующие новообразования с коммуникативных и когнитивных позиций. Эти форманты обслуживают, целый ряд семантических групп.

1. Производные с четким конкретно-предметным значением, связанные с номинацией бытовых реалий, орудий крестьянского труда, а также локативы, ср.:

с суффиксом *-а'шка (-яшка)*: *бабашка* – ‘небольшой предмет, кусочек чего-л. Округлой формы’ *Бабашки таки кругленьки, из кислого теста и в кипяток запускашь.* (Казан.); *бабашка* – ‘деревянный поплавок на рыболовных сетях, обычно изготавливаемый из березовой коры’ *Ставные сети ставим с бабашками. Бабашки Березовы большие, кожура Березова, сокорева.* (Казан.); *баклашка* – ‘короткий толстый кусок древесины, чаще круглый’ *Баклашки, оне круглы, а щепки тонки. Баклашками топлю печку. Сом пудов двадцать, как баклашка. А сверху сокоревы баклашечки.* (Казан.); *головашка* – ‘головешка’ *Головашка обуглена.* (Казан.); *голяшка* – ‘голень’ *Голяшка у ноги.* (Казан.); *калабашка* – ‘колобок, лепешка’ *Вон испечешь что-нибудь, и называют калабашки.* (Казан.);

с суффиксом *-ыш*: *голыш* – ‘яйцо, снесенное без скорлупы’ *Курица слила голыш.* (Казан.) (←*голый*); *засидыш* – ‘зародыш куриного яйца’ *Догло сидит курица. Внутри засидыш заведёцца.* (Казан.) (←*засидеть* – ‘насидеть яйца (о птицах)’); *наклёвыш* – ‘насиженное, наклеванное яйцо’ *Наклёвыш, яйцо пробито.* (Казан.); *наливыш* – ‘налившийся плод’ *Яблочки вот когда наливаются, говорят, как стеклянный наливыш, в яблоке, соки если налились.* (Казан.); *обёртыш* – ‘жир, сало, обволакивающее сычуг’ *Каша в сале, в обёртыше, в плошку его, в печь.* (Казан.); *отопыш* – ‘огарок свечи’ (Казан.); *пипыш* – ‘небольшая выпуклость, шишка’ *Пипыш, ну шишечка на руке.* (Казан.); *серёдыш* – ‘вставка из кружева’ *Серёдыш и в столешник вишивался.* (Казан.);

с суффиксом *-у'лька (-юлька)*: *витюлька* – ‘изделие из теста’ *Плюшка, витюлька.* (←*вить*); *живулька* – ‘нитка, которой сметывают’ *Посадить на живульку* – ‘сметать скроенное изделие’ (Казан.) (←*жить* – ‘сметы-

вать’); *писулька* – ‘пресная лепешка с узором, нанесенным ножом’ *Пресна лепешка, ножом на ней напишут.* (Казан.);

с суффиксом *-уля (-юля)*: *гамзуля* – ‘большой кусок чего-либо (чаще хлеба)’ *Про хлеб говорят, взял гамзулю какую, дескать большой кусок.* (Казан.); *криуля* – 1) ‘что-либо кривое, изогнутое, изогнутый предмет’ *Палки-ти с кривулёй.* 2) ‘изгиб, колено реки’ *Вот эти саамы кривули. В Свяге в кривуле чёрнушек, как грязь (много уток).* (Казан.) (←*кривой*);

с суффиксом *-уха*: *ляпуха* – 1) ‘оплеуха, удар ладонью’ *Таку дал я ляпуху по щёке ёму.* 2) ‘мокрый снег хлопьями’ *Вон ляпухой какой закатил!* 3) ‘липкие комья грязи’ *На юбке-то у меня ляпуха. Вон грязь отстает ляпухами.* 4) ‘коровий помёт’ *Наклала ляпук-то!* (о корове) (Казан.); *рядуха* – ‘редкий холст, который ткали в одну нитку’ *На полога рядуху, уднозубку ткали.* (Казан.);

с суффиксом *-ушка*: *горнушка* – ‘место на шестке русской печи, куда сгребают горячие угли’ *А де спички? Да вон в горнушке.* (Казан.) (←*горн*); *жёрдушка* – ‘небольшая жердь’ *В костре возьми жордушку для бани.* (Казан.); *колобушка* – ‘кусочек теста, оставленный для квашни’ *Колобушка, уставляют другой раз. Я сваяла (тесто) колобушкой, и колобок скажут.* (Казан.); *лёснушка* – ‘дикое лесное яблоко’ *Лёснушка, лесные яблоки. Сад-от был, как лес. Это уж лёснушки!* (Казан.); *ляпушка* – ‘комочек чего-либо вязкого, мокрого, имеющий неправильную форму, способный растекаться, расплываться’ *Помидорину бросишь – разляпушилась, как ляпушка.* (Казан.); *мотушка* – ‘моток’ *Талька – это мотушка льну, пряжи.* (Казан.); *мякушка* – ‘гнилой, размягченный плод’ *Яблоко гнило – мякушка, картошка мякушка.* (Казан.); *поставушка* – ‘блюдо, поставленное на стол’ *Давай сварим что-нибудь. На столе, всё-то будет поставушка.* (Казан.); *потинушка* – ‘тряпка’ *Все тряпки – потинушки, от стола, от кухни, пол мыть.* (Казан.); *рёмушка* – ‘тряпка; вещь, пришедшая в негодность’ *Како-нибудь рвано пальто или куфайка негодяца – вот рёмушка.* (Казан.); *рогушка* – ‘рожок для кормления ребенка’ *Рогушка изготавливалась из коровьего рога.* (Казан.); *садушка* – ‘корнеплод, посаженный на другой год на семена’ *Свекла, морковь, оне цветут и получацца семена.* (Казан.); *чёрнушка* – ‘порода диких уток’ (Казан.);

с суффиксом *-ышка, -ёшка*: *пипышка* – ‘небольшая выпуклость, шишка’ (Казан.); *сгибёшка* – ‘пирог без начинки’ (Казан.);

с суффиксом *-урка*: *печурка* – ‘углубление в наружной стене печки для просушки варежек, для хранения спичек и др.’ *В печурках сушат варежки зимой.* (Казан.);

с суффиксом *-ель, -уль*: *густель (густеля)*: 1) ‘густая заросль’ *Трава кака густеля. Не пролезть, в такую густелю залезла.* 2) ‘гуща’ *Сварила одну густелю.* (Казан.) (←*густой*); *кривуль* – 1) ‘что-либо кривое, изогнутое, изогнутый предмет’ *Палки-ти с кривулёй.* 2) ‘изгиб, колено реки’ *Вот эти*

саамы кривули. В Свяге в кривуле чёрнушек, как грязь (много уток). (Казан.) (←кривой);

с суффиксом *-иха*: *завариха* – ‘каша из пшеничной муки’ *Маленьким детям варят кто кисель зовёт, кто завариха. Завариха из пшеничной муки молоко и мука. (Казан.) (←заварить); засади́ха* – ‘о чем-нибудь вяжущем’ *Черёмуха засади́ха, яблоки засади́ха, связывают в роту. (Казан.) (←засадить);*

с суффиксом *-ище*: *слище* – ‘место, где разостлан лён’ *Лён слали слищами, по долинам только. (Казан.) (←стлать – ‘стелить’);*

с суффиксом *-га*: *зеленьга* – *собир.* ‘недозрелые зеленые плоды, ягоды, овощи’ *Яблоки упадут, маленькие, зелененьки, зеленьга, бают. (Казан.) (←зелень);*

с суффиксом *-арь*: *кочкарь* – ‘болотистая местность, покрытая кочками’ *Кочкарь, болото есть, вот эдаки кочки с осокой. (Казан.); шипарь* – ‘шиповник (куст)’ *Шипарь, шипа на ей растет, дерево шипарь, а шиповник ягоды. (Казан.);*

с суффиксом *-ало*: *кружало* – ‘вид мужской стрижки в дореволюционной деревне’ *Под горшок стриженный или под кружало. Раньше все мужики под кружало подстрижены были. (Казан.);*

с суффиксом *-алка*: *хваталка* – ‘тряпка, которой вынимают горячие чугуны’ (Казан.);

с суффиксом *-ак (-як)*: *ноздряк* – 1) ‘пористый камень’ *Камень он тоже ноздрей бывает. Как ноздри у него, водой выбито иль чем. 2) ‘пузырь на воде’ Нозряк – это пузырь. У его как будто ноздрей сделается. (Казан.); поздняк* – ‘животное, поздно родившееся, или растение, поздно выросшее’ *Поздно посадишь помидоры. Иль куры, на яйца посадишь. Говорят, позни будут, позняки. (Казан.); резак* – ‘нож, которым колют скотину’ *Резак был специально у резников, которы скот резали. (Казан.); черняк* – ‘порода диких уток’ (Казан.);

с суффиксом *-ук*: *хрёбтук* – ‘мешок с овсом, который навешивают на голову лошади; торба’ (Казан.);

с суффиксом *-ня*: *плавня* – 1) ‘рыболовная сеть’ *Сёводни рыбачим плавней. 2) ‘лов рыбы плавней’ Весенняя, осенняя, летя плавня. (Казан.); плясня* – ‘пляска’ *Где гармошка, там и плясня. (Казан.);*

с суффиксом *-ун (-юн)*: *ползун* – ‘понизовая метель’ *Иль метель, снег низко. Говорят, по полу несет сёдня, ползун. (Казан.); толкун* – ‘рой мошек, которые как бы толкутся в воздухе’ (Казан.);

с суффиксом *-ень*: *поползень* – ‘понизовая метель’ *Севодня ветер, поползень. (Казан.);*

с суффиксом *-ена*: *сычена* – ‘медовый напиток, приготовленный на поминки’ *Готовили сычёну из меду, на поминка, ложками хлёбали. (Казан.) (←сыта – ‘медовый напиток, подслащенная медом вода’);*

с суффиксом *-шина*: *пяишина* – ‘пять рублей, пятерка’ *Взяла трешину аль пяишину, там и поела, на заводе.* (Казан.);

с суффиксом *-ово*: *хлёбово* – ‘блюдо, кушанье’ *Чётыре варева или чётыре хлёбова.* (Казан.);

с суффиксом *-тво*: *шитво* – ‘шитьё’ *После шитва строчишь.* (Казан.).

2. Названия растений и плодов:

с суффиксом *-ига*: *ежовига* – ‘ежевика’ *Ежовига растёт на той стороне. Куста ёжовиги.* (Казан.); *клубнига* – ‘клубника (луговая)’ *Клубнига в наших лесах есть, красны ягоды.* (Казан.); *мокрига* – ‘растение *Sphagnum L.*’ *Мокрига растёт на лугах, ей мшат избы. Это така трава, котору не раздерёт.* (Казан.)

с суффиксом *-ач*: *лесач* – ‘дикая лесная яблоня; яблоня, еще не привитая’ *Лесач, она родит кислы яблоки.*

с суффиксом *-ашка (-яшка)*: *липяшка* – ‘молодая липа’ *Штук пять липяшек принес, тонки они, в руку.* (Казан.).

3. Названия животных, птиц, рыб:

с суффиксом *-урка*: *бабурка* – ‘бабочка’ *Бабурка залетела.* (Казан.);

с суффиксом *-ун*: *пырун* – ‘бодливый бык, козел’ (←*пырять* – ‘бодаться’); *стригун* – ‘жеребенок до года’ *Стригун – это молодой жеребенок, которому осенью бывает год.* (Казан.);

с суффиксом *-у’нья*: *быдунья* – ‘бодливая коза, корова’ (←*быдать* – ‘бодать’); *пырунья* – ‘бодливая коза, корова’;

с суффиксом *-уга (-юга)*, *-ига*: *гадюга* – ‘гадюка’ *У реки видала гадюгу.* (Казан.); *костерига* – ‘отходы, получаемые при трепании льна’ *Костерига, что костерь. Костерига, отрётки, топим печи.* (Казан.) (←*костерь*);

с суффиксом *-уша*: *клохтуша* – ‘курица, которая клохчет, но не несется’ *Клохтуша, пять раз купала, чуть-чуть отвадила. Нынче не было клохтуши у меня.* (Казан.) (←*клохтать* – ‘издавать звуки (о курице, которая не несется, но хочет сесть на яйца)’); *крякуша* – ‘кряква, порода дикой утки’ *Крякуша там плавает.* (Казан.);

с суффиксом *-ушка*: *годушка* – ‘жеребенок или теленок в возрасте одного года’ *Годушка, бык, телка, жеребенок. А вот если год ёму, он и годушка.* (Казан.);

с суффиксом *-ель*: *головель* – ‘рыба’ *Здесь головель не ловицца.* (Казан.) (←*головь* – ‘рыба’);

с суффиксом *-ука*: *жужука* – ‘жужжащее насекомое’ *Большуца муха, жужука.* (Казан.) (←*жужжать*);

с суффиксом *-арь*: *кочкарь* – ‘баран некладеный’ (Казан.).

Среди субстантивов этой семантической группы больше производных от собственно диалектных основ. Производные же от основ общерусских характеризуются экспрессивностью и довольно прозрачной ассоциативностью.

4. Названия болезней или состояния человека:

с суффиксом *-уха*: *добруха* – ‘лихорадка’ *Нынче малярея, а раньше все добруха да лихоманка. Добруха про лихорадку говорят.* (Казан.);

с суффиксом *-иха*: *кориха* – ‘корь’ *Болезнь эта нынче была. Девочка болела. Кориха. Мальжами красными.* (Казан.)

с суффиксом *-ачка* (*-ячка, -учка*): *лётучка* – ‘летучая оспа’ *Лётучка, она как воспа нарыват. Лётучка на детях бывает, как крапивой обожжоцца.* (Казан.); *лятячка* – ‘болезнь; болячка’ *И человек, и скотина болеет лятячкой. На лице бывают.* (Казан.). Их отличительной чертой также является ассоциативность при номинации или желание подчеркнуть интенсивность проявления признака (состояния).

5. Часто аффиксы оформляют диалектные имена *Pluralia tantum*, ср.: с суффиксом *-а'лки*: *взгнуздалки, мн.* – ‘удила’ *Взгнуздалки заколотили, не видать.* (Казан.) (←*взгнуздать* – ‘надеть удила лошади’);

с суффиксом *-ышки*: *горельшки, мн.* – ‘игра в горелки’ *Айда играть в горельшки.* (Казан.); *крюкалышки, мн.* – ‘детская игра (возможно, игра в прятки)’ *Крюкалышками играли, плётень заплётали. Дети крюкают, один крюкает, другой прячется.* (Казан.) (←*крюкать* – ‘играть в прятки’); *сглядышки, мн.* – ‘смотрины’ *Приезжайте с женихом. Сглядышки сделаем, узнам, сы жениха, а вы невесту.* (Казан.);

с суффиксом *-ашки*: *лапташки, мн.* – ‘комья грязи’ *Идет по полу, вон лапташки и каке утлётаят от ног. Корова ляжет на грязное, кае лапташки на боку!* (Казан.); *перелукашки, мн.* – ‘игра, в которой играющие делятся на две группы и перебрасывают мяч’ *Перелукашки, мяч перекидывали.* (Казан.);

с суффиксом *-ушки*: *тёплушки* – ‘домашние туфли из овчины’ *Тёплушки самородны, сама шила.* (Казан.); *шарушки, мн.* – ‘катышки теста, глины и т.п.’ *Тесто месить, с рук шарушки летят. Шарушки делаются, и когда глину месить.* (Казан.);

с суффиксом *-енки*: *приталенки, мн.* – ‘проталинки’ *Как следацца тепло, начнет притаивать, вот приталенки.* (Казан.).

С точки зрения литературного языка, далеко не все приведенные единицы можно считать только имеющими множественное число или указывающими на парные предметы. В говорах же они не встречаются в единственном числе.

Кроме того, плюральные и сингулятивные формы производных с одним формантом могут иметь разное значение, вытекающее из общей семантики, ср.: *писулька* – ‘пресная лепешка с узором, нанесенным ножом’ *Пресна лепешка, ножом на ней попишут.* (Казан.) – *писульки, мн.* – ‘резные украшения из дерева на фронтоне избы’ *Писульки, разными вычурами на дому.* (Казан.).

Диалектные суффиксы-редупликанты являются не только осложнением структурного плана, но и подчеркивают выделительное значение:

-*ижина*: *ежовижина* – ‘одна ягода ежевики’ (Казан.); -*улина*: *кривулина* – 1) ‘что-либо кривое, изогнутое, изогнутый предмет’ *Палки-ти с кривулёй*. 2) ‘изгиб, колено реки’ *Вот эти самы кривули. В Свяязе в кривуле чёрнушек, как грязь* (много уток). (Казан.) (←*кривой*).

Часто образование диалектных субстантивов сопровождается появлением модификационных значений (деминутивного, увеличительного и т.д.) и эмоционально-экспрессивной коннотации: *жёрдушка* – ‘небольшая жердь’ *В костре возьми жордушку для бани*. (Казан.); *мурлышка* – ‘мурлыка, ласковое название кота, кошки’; *рылишко* – *уменьш.-ласкат.* ‘личико’ *Закутай рылишко от холоду*. (Казан.).

Следует подчеркнуть значение таких моделей для четкой классификации предметов внешнего мира в сознании носителей говоров.

Диалектные субстантивы склонны к образованию словообразовательной синонимии типа: *баклан/баклашка* – ‘чурбан, обрубок древесины’; *карда/кардёнка* – ‘стойло, огороженное для отдыха скоту в хлеву и в поле’; *костерь/костерига* – ‘отходы, получаемые при трепании льна’; *кривуля/криуля/криулина* – 1) ‘что-либо кривое, изогнутое, изогнутый предмет’ 2) ‘изгиб, колено реки’; *мокрига/мокришник* – ‘растение *Sphagnum L.*’; *поздняк/позднячок* – ‘животное, поздно родившееся, или растение, поздно выросшее’; *сычена/сыта* – ‘медовый напиток, приготовленный на поминки’. Очевидно, что перед нами один из древнейших типов словообразовательной синонимии в истории русского языка – синонимия производного и производящего слов.

Как и свойственно диалектной деривационной системе в целом, в анализируемых производных выявляется совмещение нескольких первичных значений, как, например, в случаях *плавня* – 1) ‘рыболовная сеть’ *Сёводни рыбачим плавнёй*. 2) ‘лов рыбы плавней’ *Весенняя, осенняя, летя плавня*. (Казан.); *ляпуха* – 1) ‘оплеуха, удар ладонью’ *Таку дал я ляпуху по щёке ёму*. 2) ‘мокрый снег хлопьями’ *Вон ляпухой какой закатил!* 3) ‘липкие комья грязи’ *На юбке-то у меня ляпуха. Вон грязь отстаёт ляпухами*. 4) ‘коровий помёт’ *Наклала ляпух-то!* (о корове) (Казан.) – совмещение конкретно-предметного и акционального значений. Подобные случаи, на наш взгляд, следует рассматривать как следы распада древнейшего синкретизма, задержавшиеся в диалектах в силу их большей архаичности по сравнению с литературным языком.

Оба последних явления свидетельствуют о консервации древних тенденций в языке русских говоров, таким образом, мы можем выявить их не только на лексическом и фонетическом, но и на деривационном уровне.

Среди анализируемых моделей центральные позиции занимают способы репрезентации агентивного значения. Диалектное словопроизводство

использует порядка сорока словообразовательных типов для названия лица, причем семантика производных выходит за пределы чисто агентивной. В этом отношении следует отметить непродуктивные и в общенациональном языке суффиксальные модели на *-ай (-яй)*, *-ан*, *-ун*, *-ук (-юк)*, *-ус*, *-ач*. Имена на *-ай (-яй)* указывают на лицо – носителя признака (качества). Это наименования по внешним особенностям или характерным свойствам, причем мотивирующий признак может быть различным, ср: *буклай* – ‘насмешливое обозначение толстого человека или животного’, *висляй* и *вихляй* – ‘неопрятно одетый, несобранный, нерасторопный, вялый человек’, *слюняй* – ‘слюнтяй, тот, у кого изо рта постоянно текут слюни’. Производные на *-ан*, *-ун* не просто указывают носителя признака (качества), а подчеркивают максимальную его реализацию, ср.: *сорван* – 1) ‘озорник, проказник, сорванец’; 2) ‘дерзкий, нахальный человек’, *сухан* – ‘худой, тощий’, *пузран* – ‘человек с большим животом’, *сплетун* – ‘сплетник’ и др. Имена на *-ук (-юк)*, *-ус*, *-ач* образуются в основном от диалектных основ, передавая аналогичное значение, ср.: *мистрюк* – ‘угрюмый, сердитый человек, нелюдим’, *хайдук* – ‘нахал, озорник’ (←*хайдить* – ‘озорничать, буянить’), *плакус* – ‘плаксивый мужчина, мальчик’, *сорвач* – 1) ‘озорник, проказник, сорванец’, 2) ‘удалой человек, сорвиголова’, 3) ‘дерзкий, нахальный человек’, 4) ‘человек, извлекающий из своей работы как можно больше выгоды в ущерб другим, рвач’; *спинач* – ‘большой, крупный, широкоплечий человек’.

Экспрессивные наслоения и элементы сниженности присутствуют в существительных женского рода на *-ша*, *-иха*, *-ичка*, *-уха*. Имена на *-иха* – это наименования лиц, названных по действию, которое может выполняться только женским полом, или качеству, свойственному женщинам: *блюдиха* – ‘экономная, бережливая хозяйка’ (←*блюсти* – ‘беречь’), *неродиха* – ‘женщина, не рожавшая детей’, *неубериха* – ‘женщина, у которой беспорядок в доме’, *развеиха* – ‘та, кто таскает из дома вещи или продукты’, *растащиха* – 1) ‘та, кто таскает из дому вещи или продукты’ 2) ‘о неряшливом, растрёпанном человеке и предмете’, *родиха* – ‘та, которая родила до замужества’, *сплетниха* – ‘сплетница’. Ряд производных связан с производящим словом – наименованием действующего лица мужского пола: *висляиха* – женск. К *висляй* – ‘неопрятно одетый, несобранный, нерасторопный, вялый человек’, *зознаиха* – женск. К *зознаищик* – ‘зознайка’, *почтариха* – женск. К *почтарь* – ‘почтальон’ (мужчина), *немтяриха* – женск. К *немтярь* – ‘человек, плохо говорящий, имеющий дефекты в речи’, *разгильдяиха* – женск. К *разгильдяй* – ‘неопрятный, небрежный в делах человек’, *слюняиха* – женск. К *Слюняй* – ‘слюнтяй, тот, у кого изо рта постоянно текут слюни’. В качестве производящей основы может быть использован и семантический дериват, ср. *Сорока* → *сорочиха* – ‘прозвище болтливой женщины’. Но если в литературном языке этот суффикс служит

выразителем «женскости» при профессиональных номинациях (ср. Лит. *Ткачиха, повариха*) и не несет дополнительной эмоционально-экспрессивной нагрузки, то в диалектном словопроизводстве прослеживается тенденция, свойственная разговорной речи и просторечию. Все без исключения отмеченные производные обладают отрицательной коннотацией, характеризуя действующее лицо как носителя негативного качества. Это вполне соответствует тенденции словопроизводства в просторечии и жаргонах, где имена с суффиксом *-иха* также не просто служат для наименования лиц женского пола, но обязательно несут оттенок презрительности, грубости (ср. *Врачиха, купчиха, потиха*).

Имена на *-уха*, как и производные на *-иха*, служат либо параллельными образованиями женского рода к производящим мужского рода (*сплетуха* – женск. К *сплетун* – ‘сплетница’, *бормотуха* – женск. К *бормотун* – ‘болтунья’, *вялуха* – женск. К *вялун* – ‘медлительный, вялый, неповоротливый, неуклюжий человек’), либо называют женские профессии или род занятий (*поваруха* – ‘повариха’, *убируха* – ‘женщина, оставшаяся в избе для уборки и наведения порядка’). Используется также фономорфема *-аха/-яха* как для выражения «женскости» (*ткаха* – ‘та, что ткала на стане’, *среднепряха* – ‘о женщине, которая обычно прядет ни хорошо, ни плохо’), так и для обозначения общего рода (*растармаха* – ‘неаккуратно одетый человек; неуклюжий человек или животное’). Кроме того, суффиксы *-уха, -иха* служат и для оформления существительных общего рода, ср.: *сопуха* – м. и ж. ‘о том, кто постоянно сопит’, *спиха* – ‘тот, кто долго спит, соня’, *неуберуха* – ‘человек, не поддерживающий порядка, чистоты в доме и во дворе’ и пр.

В говорах словообразовательная модель на *-уша, -ыша, -ша* весьма продуктивна, но характерно при этом, что лишь некоторые из них выражают значение «женскости», как это свойственно разговорному языку (*рыскуша* – женск. К *рыскун* – ‘та, кто бегаёт без дела’, *приимыша* – ‘приемная дочь’, *урыскуша* – женск. К *урыскун* – ‘та, кто бегаёт без дела’). Продуктивность подобных производных перекликается с деривационными тенденциями разговорного стиля литературного языка, где женские корреляции возникают последовательнее и чаще. [...] Многие нейтральные в стилевом отношении мужские номинации имеют разговорные феминные корреляции: *фермер* – *фермериша* (разг.), *буккер* – *буккериша* (разг.). Остальные производные служат для наименования лиц общего рода, передавая агентивное значение или указывая на лицо – носителя качества, но обязательно с ярко выраженной экспрессией: *помыкуша* – м. и ж. – ‘тот, кто помыкается – ходит, бегаёт без дела’, *мызгуша* – ‘неряха, тот, кто пачкает одежду’, *брызгуша* – м. и ж. ‘человек, который при разговоре брызжет слюной’, *люкша* и *лекша* – м. и ж. ‘левша’. Встречаются производные на *-ша* и среди номинаций мужского пола, причем в двусловных словах, что

подчеркивает важность выполняемого действия: *спиртоноша* – ‘человек, тайно продающий спирт в местах, где его продажа и употребление были запрещены’ и др.

В отличие от литературного языка, в диалектах активнейшим образом пополняется категория общего рода путем суффиксальных образований, причем диалектоносителю подчеркнута не важен пол лица, актуализируется характерное ему качество (свойство), непременно обладающее той или иной коннотацией. Активны словообразовательные типы на *-ашка* (*-ишка*, *-ышка*), *-ша* (*-уша*, *-ыша*), *-уха* (*-аха*, *-ёха*), *-ня* (*-аня*), *-мень* (*-ень*), *-ёна*, *-яга* (*-уга*). Единичны производные с суффиксами *-ище* (*детище* – ‘дитя’ *Мило моё детищо. Роспутно детищо*), *-уля* (*косуля* – ‘косой, косоглазый человек’. *Человека могут косулей назвать, ежели бельмо на глазу. Косуля у меня подруга была, мы ее звали косулей.* (←*косой*)), *-да* (*бахолда* – ‘болтун, озорник’. *Наболтала и оправдываца, нахабарыздила бахолда. Верченый человек, зря много делат, хто узорничат много.* (←*бахолить* – ‘озорничать’)). Имена на *-ила* (*-ило*), *-ала/-ало* обозначают максимально выраженную характеристику человека: *сорвила* – м. и ж. 1) ‘озорник, проказник, сорванец’, 2) ‘отчаянный, смелый человек’, *чудила* – м. и ж. ‘чудак, чудачка; шутник’, *социло* – м. и ж. ‘так называют тех, которые вместо искать говорят *социть*’, *сочило* – 1) ‘прозвище человека, у которого постоянно течет изо рта слюна’, 2) ‘говорун, весельчак’; *сполохала* и *сполохало* – м. и ж. ‘человек, возбуждающий беспокойство в других, без нужды поднимающий переполох’ (←*сполохать* – ‘испугать, вызвать испуг у кого-л.’); *спотыкала* – м. и ж. ‘часто спотыкающийся конь, лошадь’, *спотыкало* – ‘забияка, дающий другим подзатыльники’. Образования эти экспрессивны, цель их употребления – охарактеризовать лицо как носителя какого-либо признака (в том числе процессуального), половая характеристика здесь отходит на второй план.

Что касается соотношения словообразовательной системы говоров и литературного языка, то, несомненно, этот вопрос заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения. В данной же статье мы хотели бы отметить, что влияние словообразовательной системы литературного языка на диалекты проявляется, в частности, в распространении абстрактных имен в говорах. Разумеется, это влияние определяется, в первую очередь, наличием в говорах ряда однотипных по структуре заимствований из литературного языка (например, производные со «славяно-книжными» суффиксами *-ость*, *-ство*, *-ствие* типа *живость*, *справедливость*, *лукавство*, *баловство*, *последствие*, *сумасшествие* и др.). Но и в оформлении значения *nomina abstracta* участвуют собственно диалектные модели: с суффиксом *-ынь*: *жарынь* – ‘жара’ *В бане жарынь, прямо не взойдешь.* (Казан.); с суффиксом *-ёха*: *спёха* – ‘спелость плодов’; с суффиксом *-юшко*: *спокоюшко* – ‘покой, тишина’ и др. Словообразовательный анализ подо-

бной лексики показывает, что существительные с отвлеченным значением являются своеобразной трансформацией уже имеющихся слов – имен или глаголов. Подобные новообразования имеют иную природу, чем новообразования, обозначающие новые реалии.

Особого внимания требует проблема собственно диалектных словообразовательных моделей, используемых для выражения основных словообразовательных значений (наименований лица, орудия действия, отвлеченного признака и др.), их включение в словообразовательную систему общенародного языка. Скорее всего, в литературный язык не прошло значительное количество диалектных моделей. Корректнее говорить не о моделях, а об отдельных словах. Подобные производные широко наблюдаем, например, в диалектных суффиксальных производных – наименованиях лица, ср.: *-аня* (*бабаня* – ‘бабушка’ [Дон., 1929]; *коканя* – ‘крестная мать или крестный отец’ [Казан.]); *-аша* (*бабааша* – ‘бабушка’ [Терск., 1900, Самар.]); *-ёха* (толстая женщина [баба]; большая, дородная женщина [Новг., Барнаул, 1929–1935; Курск., 1947–1953, Орл.]; *-юк* (*бабнюк* – ‘любитель ухаживать за женщиной; волокита’ [Курск., 1854, Калуж.]); *-ока* (*бабока* – ‘бабушка’ [Пенз., 1953]); *-уга* (*бабуга* – ‘1) уничиж. к бабка, бабушка’ (Калин., 1936), 2) ‘прабабка’ (Калин., 1936)); *-ёна* (*баёна* – ‘1) говорунья, болтушка (Олон., 1895–1897, Влад., Твер.) – о приветливой разговорчивой женщине (Калин., 1957), 2) прозвище болтуна (Твер., 1897) *-аха* (*барандаха* – ‘женск. К барандай – бестолковый, вздорный человек; болтун, пустомеля’ [Костром., 1849, Нижегород.]); *-ака* (*-яка*) (*мамака* – ‘мать, мама’ (Казан.); *няняка* – ‘старшая сестра по отношению к младшей, которую она нянчит’ (Казан.); *тятяка* – ‘тятя, отец (ласковое обращение к родному отцу)’ (Казан.); *-ыга* / *-ыка* (*баламыга* – ‘1) бездельник, лентяй, праздничношатающийся человек’ (Волог., 1866), 2) пустослов, болтун (Перм., 1854); *балдыга* – ‘спившийся человек, забулдыга’ (Смол., 1853); *баломыка* – ‘тот, кто шатается, слоняется без дела’ (Перм., 1930) и под.

Важно отметить, что диалектные аффиксы оформляют в основном общерусские производящие основы. Это говорит о незамкнутости деривационных контактов и стремлении диалектоносителей обособить, выделить мировосприятие, сделать свою речь более образной. Обширный фактический материал, позволяющий судить о системности анализируемых явлений, позволяет говорить о наличии собственно диалектных словообразовательных моделей, примечательных, с одной стороны, с позиций экспликации языковой картины мира русского диалектоносителя; с другой стороны, в плане реализации основных тенденций именного диалектного словопроизводства: тенденции к конкретизации, сохранению древних языковых явлений, словообразовательной парадигматики. «Носитель диалекта, создавая новообразования, не противоречит системе диалекта и строит новые слова по образцу обычных слов (*ходунья, гостюня*

по типу *певунья*). Данное расширение словообразовательной парадигмы, возникшее с выразительно-изобразительными целями, противоречит лишь традиции употребления» (Лютикова 1999: 122).

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов В. В.** (1964), *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Колесов В. В.** (1998), *Русская диалектология*, Москва.
- Лютикова В. Д.** (1999), *Языковая личность и идиолект*, Тюмень.
- Моисеенко М. Ф.** (2002), *Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья*, Казань.
- Сахарный Л. В.** (1963), *Некоторые проблемы изучения диалектного словообразования*, Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15–18 мая 1963, Москва, с. 50–52.
- Симина Г. Я.** (1976), *Развитие абстрактной лексики в современных Пинежских говорах*, [в:] *Пинежский говор. Материалы по русской диалектологии*, Калининград, с. 28–41.
- Словарь русских народных говоров* (1965–2007), Вып. 1–41. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург.

Tatiana Popova

DIALECTAL WORD-FORMATIVE MODELS IN WORD-FORMATION OF SUBSTANTIVES

The article is devoted to consideration of dialectal suffix's models in the field of vocabulary of substantives, which are used for expression of basic word-formative meanings (of appellative, action, abstract indication, action and its result and etc.). Specifically, they are included in word-formative system of national language. The research is viewed from position of analysis of regular things of the Russian national language, and use of synchronous and diachronic methods in comparison with facts of literal language contributes to discovery of individual specific peculiarities of suffix's substantives. The problems of study of dialectal substantive's word-formation are marked at the same time, they contribute to discovery and description of specifically dialectal formants and models, unknown to literal language, taken into consideration specific character of word-formative dialectal system as spoken variety of the Russian language.